

ВАСИЛЕВИЧ Г.А.,
 Председатель
 Конституционного Суда
 Республики Беларусь,
 доктор юридических наук,
 профессор

КОНСТИТУЦИЯ НА ЗАЩИТЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО РЫНКА

В статье 1 Конституции Республика Беларусь провозглашена демократическим социальным правовым государством, политика которого направлена на создание условий достойной жизни и свободного развития человека.

Задача правового регулирования общественных отношений – упорядочить их таким образом, чтобы право выступало в качестве катализатора прогресса во имя блага общества и отдельного человека, направить законотворческую энергию таким образом, чтобы совпадали уровни позитивного права и уровень политического, социально-экономического, духовного развития. По существу можно говорить о том, что право должно отвечать новым вызовам времени.

Одной из характерных черт действующего Основного Закона является закрепление в нем многообразия форм

собственности. При этом на государство возложена обязанность предоставлять всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, гарантировать равную защиту и равные условия для деятельности субъектов хозяйствования, основанных как на государственной, так и на частной формах собственности. И еще один важнейший конституционный принцип: государство должно осуществлять регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивать направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях.

Для решения указанных задач в самой Конституции фиксируются важнейшие правовые стандарты в области нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Их достижению активным образом содействует деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь, основной функцией которого является контроль за конституционностью нормативных правовых актов. Его решения содействовали утверждению таких конституционных принципов, как признание человеческого достоинства, универсальность прав и свобод человека, равенство всех перед законом и судом, беспристрастность суда и управленческой администрации, верховенство права, справедливости, правовой обеспеченности (включая помимо всего прочего и незыблемость судебных решений), пропорциональность, соразмерность ограничения прав и свобод конституционно значимым целям, ясность и определенность законодательства (особенно когда речь идет об ответственности граждан, воз-

ложении на них каких-либо обязанностей), недопустимость придания обратной силы актам, ухудшающим правовое положение участников общественных отношений, ответственность не только человека перед государством, но и государства перед человеком.

Европейская тенденция такова: Конституционные Суды, в связи со сложностью решаемых споров, новых вызовов современности, все больше выступают не только в роли негативного (когда аннулируются неконституционные акты), но и позитивного законодателя. Пожалуй, единственная сфера, где решения Конституционного Суда всегда могут быть направлены только на изъятие правовых норм, а не их создание, – это уголовная ответственность. И то можно говорить о позитивной, созидательной роли Конституционного Суда, когда меняется или смягчается уголовное законодательство.

Показательны в этом отношении некоторые решения Конституционного Суда. Так, в феврале 2002 г. было принято заключение по вопросу о порядке формирования ставок арендной платы юридическими лицами негосударственной формы собственности при сдаче в аренду жилых зданий и помещений. Благодаря позиции Конституционного Суда были защищены интересы организаций, основанных на частной форме собственности. Из последних можно выделить заключение по вопросу, касающемуся правомерности договоров займа иностранной валюты.

Анализ норм Гражданского кодекса (многие из которых

имеют, к сожалению, отсылочный характер) во взаимосвязи с положениями иных нормативных правовых актов свидетельствует о противоречивости и неопределенности правового регулирования заключения договоров займа иностранной валюты.

В такой ситуации не только граждане, но и ряд государственных органов, таких, как Совет Министров, Совет Республики, Министерство экономики, Министерство по налогам и сборам, Министерство внутренних дел полагали правомерным заключение договоров займа иностранной валюты. Гражданам тем более было сложно разобраться, насколько правомерны договоры займа иностранной валюты, запрещены ли они.

Изучение дела показало непоследовательность судебной практики при разрешении споров, вытекающих из договоров займа иностранной валюты. На этот счет были решения судов и в пользу одной из сторон указанного договора, а с 2001 года суды, в соответствии с направлением, которое было дано Верховным Судом, стали признавать такие сделки ничтожными и взыскивать иностранную валюту в доход государства.

Заключением Конституционного Суда, хотя и признана конституционность пункта 3 статьи 760 Гражданского кодекса, вместе с тем отмечено, что, до вступления в силу Закона от 22 июля 2003 г. “О валютном регулировании и валютном контроле”, положения иных нормативных правовых актов, регулировавших отношения в данной области, отличались несовершенством, противоре-

чивостью и неопределенностью. Таким образом, были основания для их неоднозначного понимания и применения на практике гражданами.

Признано, что правоотношения по договорам займа иностранной валюты, которые были заключены в соответствии с пунктом 3 статьи 760 ГК до введения в действие закона “О валютном регулировании и валютном контроле” и споры о которых находятся на рассмотрении в судах, либо рассмотрены судами, но решения по которым не исполнены полностью или частично, должны применяться положения статьи 11 указанного закона как более мягкого нормативного акта законодательства. Такой вывод основан на статье 104 Конституции и части первой статьи 67 Закона “О нормативных правовых актах Республики Беларусь”. В этой связи ранее вынесенные и неисполненные судебные решения должны быть пересмотрены.

Разрешение данного дела в Конституционном Суде показательны еще и тем, что им еще раз обращено внимание на необходимость принятия таких нормативных правовых актов и их исполнения, которые бы базировались на принципах правового государства (включая и принцип справедливости, равенства всех перед законом), были внутренне согласованными и логично построенными, а содержащиеся в них нормы, касающиеся прав и свобод граждан, были доступными для понимания всеми слоями населения. Подход Конституционного Суда важен не только для граждан, но для субъектов хозяйствования: не должно быть избыточ-

ности правового регулирования, законодательство должно быть ясным и доступным для понимания, любые сомнения должны толковаться в пользу гражданина или юридического лица.

В связи с вынесенным заключением важно решить вопрос о сроке исковой давности.

В соответствии со ст. 197 ГК общий срок исковой давности установлен в три года. Лишь для отдельных видов требований законодательными актами могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком. Однако по отношению к договорам займа действует общий трехгодичный срок.

Следует иметь в виду, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Изъятия из этого правила устанавливаются законодательными актами.

Течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

После перерыва течение срока исковой давности начинается заново. Время, истекшее до перерыва, не засчитывается в новый срок.

Статьей 206 ГК предусмотрена возможность восстановления срока исковой давности. Так, в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца

(тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев, – в течение срока давности.

При этом, на наш взгляд, могут быть учтены и следующие обстоятельства для восстановления срока исковой давности. Как отмечено в заключении Конституционного Суда от 30 января 2004 г. по вопросу о займах иностранной валюты, Верховный Суд Республики Беларусь, который направлял судебную практику, в 2001 году при сохранении действия тех же норм законодательства, на основе которых ранее выносились решения в пользу заемщиков, изменил ее вопреки интересам участников договоров займа иностранной валюты, рассчитывавших на защиту их прав со стороны государства, и стал ориентировать суды на взыскание иностранной валюты в доход государства, хотя с учетом неоднозначного правового регулирования имелись все основания для разрешения споров в пользу граждан.

Такой поворот судебной практики был осуществлен вопреки интересам участников договора займа иностранной валюты, рассчитывавших на защиту их интересов со стороны государства. Из-за “новой” практики судов, когда иностранная валюта конфисковывалась в доход государства, некото-

рые граждане вполне реально могли не обращаться в суд с соответствующими требованиями. На наш взгляд, это может быть расценено в качестве уважительной причины пропуска срока. По крайней мере, с позиции правовой справедливости есть основания для такой трактовки законодательства.

С учетом изложенного должны быть защищены права не только тех граждан, чьи споры рассмотрены, но решения по которым еще не исполнены, но и тех, кто по причине сформированной неверной практики конфискации предмета займа в доход государства, в частности, и по этим причинам, не обращался в суд.

Конституционный Суд 20 февраля огласил Заключение по вопросу о конституционности утвержденных постановлением Совета Министров от 20 октября 2003 г. двух Положений – о лицензировании медицинской деятельности и фармацевтической деятельности. Производство по делу, как и предыдущее, было инициировано Палатой представителей.

Как известно, в постановлении Совета Министров от 20 октября 2003 г. были предусмотрены новые, более высокие требования для получения лицензии на осуществление медицинской и фармацевтической деятельности, в частности, в качестве обязательного условия предусмотрено наличие у руководителя юридического лица (руководителя структурного подразделения), индивидуального предпринимателя первой или высшей квалификационной категории. По прежнему законодательству такие требования

не предъявлялись. Поэтому возник вопрос о их правомерности, в том числе о том, насколько они соответствуют Закону “О здравоохранении”.

Учитывая, что в самом Законе “О здравоохранении” (ст. 12), в Декрете Президента от 14 июля 2003 г. № 17 предусмотрено обязательное лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности, а также то, что статьей 15 Закона “О здравоохранении” и утвержденными Советом Министров Положениями о лицензировании медицинской и фармацевтической деятельности регулируются различные области отношений (в первом случае – право на работу в качестве врача или провизора, а во втором – вопросы создания субъектов хозяйствования, осуществляющих указанные виды деятельности), Конституционный Суд признал, что постановление Совета Министров от 20 октября 2003 г. в этой части соответствует Конституции и оно может действовать на будущее время. В то же время Конституционный Суд подчеркнул, что при ограничении уже приобретенных прав особо следует учитывать принципы справедливости, соразмерности, максимального учета частных и публичных интересов. Только такой подход способствует формированию доверия граждан к государству. Поэтому, как следует из Заключения Конституционного Суда, Совету Министров Республики Беларусь и Министерству здравоохранения Республики Беларусь с целью исключения, ликвидации (приостановления деятельности) субъектов хозяйствования, которые

занимались осуществлением медицинской или фармацевтической деятельности на основе лицензий, выданных в соответствии с ранее действовавшим законодательством, следует обеспечить руководителям этих организаций здравоохранения (руководителям структурных подразделений), индивидуальным предпринимателям, привлеченным ими медицинским работникам, прохождению аттестации для получения работниками соответствующих квалификационных категорий с учетом стажа их работы и иных заслуживающих внимания обстоятельств, в срок, достаточный после принятия настоящего Заключения для решения этих вопросов.

Для указанных лиц уполномоченные государственные органы вправе смягчить требования, предусмотренные Положением о порядке присвоения квалификационных категорий медицинским и фармацевтическим работникам, утвержденным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 июля 2002 г. № 45, в части присвоения квалификационных категорий вне установленной последовательности, с учетом стажа работы, уровня профессиональной подготовки и других обстоятельств, включая и факт создания ими субъектов хозяйствования, осуществлявших медицинскую или фармацевтическую деятельность на основании выданных ранее государственными органами лицензий.

Конституционным Судом обращено внимание на необходимость соблюдения ценностей, присущих государству, стремящемуся стать

правовым: возможные ограничения свободы предпринимательской деятельности, которые не только должны базироваться на справедливости, быть адекватными, но и объективно необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, не иметь обратной силы и не подрывать само существование конституционного права.

Отрадно, что Министерство здравоохранения почти мгновенно позитивно отреагировало на решение Конституционного Суда: оно определило, что руководителям субъектов хозяйствования всех форм собственности, руководителям структурных подразделений, индивидуальным предпринимателям и привлекаемым ими медицинским работникам разрешается прохождение аттестации для получения ими первой квалификационной категории (минуя вторую категорию) при наличии стажа работы по соответствующей специальности 6 и более лет. Срок для прохождения аттестации на первую квалификационную категорию вышеназванным специалистам установлен до 1 декабря 2004 года. Это пример конструктивного разрешения возникшей проблемы.

На практике возникают вопросы о допустимости применения мер экономической и административной ответственности к субъектам, которые осуществляли предпринимательскую деятельность, когда требовалось получение специального разрешения (лицензии), но они его не имели, а со вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 17 “О лицензировании отдельных

видов деятельности” этот вид деятельности не является лицензируемым. При этом правонарушение выявлено после вступления в силу Декрета.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратиться к анализу прежде всего, Конституции, Закона “О нормативных правовых актах Республики Беларусь”, Декрета Президента Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 17.

Декретом Президента Республики Беларусь “О лицензировании отдельных видов деятельности” от 14 июля 2003 г. № 17 утверждено не только Положение о лицензировании отдельных видов деятельности, но и утвержден Перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются специальные разрешения (лицензии), и уполномоченных на их выдачу государственных органов и государственных организаций. В результате принятия Президентом указанного Декрета ряд видов деятельности в настоящее время может осуществляться и без лицензии, т.е. без специального разрешения.

Декрет № 17 вступил в силу со дня официального опубликования, т.е. с 16 июля 2003 г. В пункте 3 Декрета решен ряд вопросов относительно сроков выдачи лицензий, сохранения действительности ранее выданных лицензий и др. При этом в подпункте 3.5 Декрета указано, что специальные разрешения (лицензии) на отдельные виды деятельности, не подлежащие лицензированию в соответствии с настоящим Декретом, действительны до 1 мая 2004 г. (логичнее было бы указать, что они действительны до вступления в силу Декрета).

Именно с указанной даты следует проводить различие между лицензируемой и не лицензируемой деятельностью. Если деятельность до вступления в силу Декрета подлежала лицензированию, а факт совершения правонарушения – занятие предпринимательской деятельностью без лицензии – обнаружен после отмены лицензирования, то в данном случае отменена и юридическая ответственность за занятие соответствующим видом деятельности без лицензии. По существу, можно говорить о том, что здесь отсутствует юридический состав правонарушения.

Как известно, согласно части шестой статьи 104 Конституции закон не имеет обратной силы за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан.

Более широкая формула используется в Законе “О нормативных правовых актах Республики Беларусь”. Согласно статье 67 Закона нормативный правовой акт не имеет обратной силы, то есть не распространяет свое действие на отношения, возникшие до его вступления в силу, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан или иным образом улучшает положение лиц, на которых распространяется действие нормативного правового акта, либо когда в самом нормативном правовом акте или в акте о введении его в действие прямо предусматривается, что он распространяет свое действие на отношения, возникшие до его вступления в силу.

Декреты Президента Республики Беларусь и зако-

ны Республики Беларусь не имеют обратной силы, за исключением случаев, когда они смягчают или отменяют ответственность граждан. (Василевич Г.А. Конституция Республики Беларусь: Научно-практический комментарий. – Мн., 2001. С. 374–375; Василевич Г.А. Комментарий к Закону “О нормативных правовых актах Республики Беларусь”. – Мн., 2003. С. 205).

В этой связи сделаем общий вывод: привлечение к ответственности по статье 154 КоАП за осуществление тех видов предпринимательской деятельности, которые подлежали до издания Декрета от 14 июля 2003 г. № 17 лицензированию, будет неправомерным, поскольку необходимость получения лицензии исключена, а значит – исключена и ответственность.

В январе 2002 г. Конституционный Суд в связи с обращениями к нему физических и юридических лиц по поводу конфискации судами транспортных средств сформулировал правовую позицию по данному вопросу. Суть проблемы состоит в том, что суды принимали решение о конфискации транспортных средств, которые являлись орудием правонарушения, но не принадлежали лицам, совершившим такие правонарушения. Правовая обоснованность таких судебных постановлений вызвала возражения и у органов прокуратуры. Конституционный Суд, проанализировав ряд нормативных правовых актов и прежде всего статью 28 КоАП, пришел к выводу, что следует разграничивать предмет, являющийся орудием совершения

административного правонарушения, например, автомобиль, и непосредственно объект административного правонарушения. По его мнению, предмет, являющийся орудием административного правонарушения, может быть конфискован лишь в случае, если он находится в собственности нарушителя.

В целом же следует разграничивать орудия совершения правонарушения и объект административного правонарушения. Первую реакцию на правовую позицию Конституционного Суда, сформулированную им, как уже отмечалось, в решении, принятом в январе 2002 года, со стороны некоторых должностных лиц судебных органов можно охарактеризовать, мягко говоря, как реакцию “отторжения”. Однако во главе угла должен находиться закон, право, а не какие-то иные интересы.

Ознакомление с принятыми в последующем постановлениями руководителей Верховного Суда по административным делам свидетельствует об учете позиции Конституционного Суда. Так, постановлением судьи суда Лельчицкого района К. привлечен к административной ответственности и на основании части первой статьи 154 КоАП подвергнут административному взысканию в виде штрафа в доход государства на сумму триста тысяч рублей с конфискацией транспортного средства – автомобиля “Мерседес-Бенц-207”. К. признан виновным в предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), выразившейся в оказании услуг индивидуальному предпринимателю Б. по

перевозке грузов и пассажиров на указанном выше автомобиле. Первый заместитель Председателя Верховного Суда 20 июня 2003 года отменил постановление и дело направил на новое рассмотрение по следующим основаниям. Согласно ст. 28 КоАП конфискация предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, состоит в принудительном безвозмездном обращении этого предмета в собственность государства. Конфискован может быть лишь предмет, находящийся в личной собственности нарушителя, если иное не предусмотрено законодательными актами. Как видно из материалов дела, постановляя решение о конфискации автомобиля, судья не выяснил, находился ли на момент совершения правонарушения указанный автомобиль в собственности лица, привлекаемого к административной ответственности.

Конечно же, есть ряд решений, которыми Конституционный Суд подтверждал правомерность нормативных актов.

Ряд организаций обратились в Конституционный Суд по вопросу о правомерности введения Витебским, Полоцким и Новополоцким городскими Советами местного сбора за право занятия игорным бизнесом. Обращение было рассмотрено Конституционным Судом на основании части первой ст. 116 Конституции, которой на него возложен контроль за конституционностью норм актов в государстве, и части четвертой ст. 122 Конституции, где предусмот-

рено право обжаловать в судебном порядке акты местных представительных и исполнительных органов.

Анализ актов законодательства, в том числе закона “О бюджете Республики Беларусь на 2003 год” позволил сделать вывод о правомерности введения местного сбора за право занятия игорным бизнесом (право размещения игрового заведения). Вместе с тем Конституционный Суд отметил, что определение размеров сбора, хотя и относится также к компетенции соответствующих местных Советов депутатов, однако дифференциация этих размеров все же должна иметь под собой какую-то объективную основу. Так, в Витебске ставка местного сбора составляет 30 базовых величин, а в Полоцке – 600 евро.

Ранее в своих решениях, касающихся проверки конституционности актов местных Советов депутатов, Конституционный Суд уже обращал внимание на необходимость определения именно на законодательном уровне всех аспектов введения местных сборов. В решении Конституционного Суда от 12 января 2004 г. хотя и признаны акты Витебского, Полоцкого и Новополоцкого городских Советов депутатов о введении местного сбора за право занятия игорным бизнесом соответствующими законам, но в то же время отмечена необходимость Национальному собранию для обеспечения более полной защиты прав и законных интересов налогоплательщиков установить в законе исчерпывающий перечень местных налогов и сборов, которые местные Советы депутатов могут вводить на своей

территории, определить плательщиков, объекты обложения, предельный размер ставки и др.

Конституционный Суд решением от 16 декабря 2003 г. подтвердил законность введения Могилевским городским Советом депутатов местного сбора услуг по охране квартир и установке охранной сигнализации. Сразу отметим, что указанный сбор уплачивают не граждане, которые получают такие услуги, а юридические лица, которые оказывают такие услуги.

Поводом для вынесения указанного решения явилось обращение на основании части четвертой ст. 122 Конституции о правомерности обложения местным сбором за услуги, оказываемые подразделением "Охрана" по охране квартир и установке охранной сигнализации. Анализ законодательства (законов "О бюджете Республики Беларусь на 2003 год", "О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь", "О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь", Декрета Президента от 23 декабря 1998 г. № 24 "О мерах по совершенствованию охранной деятельности в Республике Беларусь") обусловил необходимость вывода Конституционного Суда о том, что Могилевский городской Совет депутатов ввел указанный местный сбор на законных основаниях. Вместе с тем для принятия такого рода решений местными Советами депутатов должна существовать более прочная правовая база. Например, в Законе "О бюджете Республики Беларусь на 2003 год", которым по существу и предус-

мотрено введение местного сбора за услуги, идет речь об услугах, оказываемых "объектами сервиса", такими, например, как гостиницы, кемпинги, мотели, рестораны, бары, кафе и др. Лишь с определенной натяжкой можно отнести объединение "Охрана", когда оно оказывает услуги по охранной деятельности, к "объектам сервиса". Поэтому чтобы впредь исключить различного рода неопределенности в этом вопросе, Конституционным Судом одновременно предложено Национальному собранию в целях проведения единой налоговой политики на территории Республики Беларусь и устранения необоснованной практики введения местными Советами депутатов сборов за услуги, определить в законе критерии отнесения организаций (видов деятельности) по оказанию услуг к объектам сервиса.

Однако не следует считать, что Конституционный Суд занят только вопросами экономического и социального порядка. Нет. Нами много сделано для того, чтобы реализовать в Конституции закрепленные гарантии личных прав и свобод граждан. Можно говорить не только о защите трудовых, жилищных, гражданско-правовых, но и иных прав и свобод. Интересным в этом плане является недавнее решение. Так, 11 марта 2004 года Конституционный Суд вынес заключение по делу "О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смерт-

ной казни". В своем решении Конституционный Суд по существу констатировал, что в Республике Беларусь много сделано для совершенствования уголовного законодательства, практики его применения, в целом приближения национальной правовой системы к международным стандартам, сложившимся в области применения смертной казни. В заключении Конституционного Суда обращено внимание на то, что норма части третьей статьи 24 Конституции, допустившая применение наказания в виде смертной казни, одновременно содержит указание на его исключительный и временный характер.

Республиканское уголовное законодательство планомерно развивалось по пути сужения видов преступлений, за которые могла быть применена смертная казнь, а также расширения круга лиц, к которым она неприменима. Сейчас в Уголовном кодексе более чем в два раза сокращена сфера применения этого наказания по сравнению с УК 1960 г.

В качестве негативного обстоятельства Конституционный Суд отметил рост преступных посягательств на жизнь человека. По сравнению с 1994 годом, когда было зарегистрировано 952 убийства, в том числе и покушений на убийства, количество таких преступлений в 2002 году возросло на 23,7 %. Лишь в 2003 году их число по сравнению с 2002 годом снизилось на 104 преступления.

В отдельные годы нестабильной была практика относительно вынесения приговоров о смертной казни. Особый

их “всплеск” приходился на 1997 – 1998 годы: соответственно, 46 и 47 человек. После этого пошел спад и в 2002 – 2003 годах были лишь единичные случаи вынесения приговоров о смертной казни.

Конституционный Суд обратил внимание на то, что на сохранение в уголовном законодательстве указанного вида наказания оказывают свое влияние результаты проведенного в 1996 году референдума, когда более 80 % граждан оказалось против его отмены. Хотя и здесь необходимо учитывать сложившуюся на то время ситуацию, а также действовавшее законодательство, когда в качестве альтернативы смертной казни максимально возможным было лишение свободы до 15 лет.

В заключении Конституционного Суда отмечено, что на европейском континенте стало общим правилом неприменение смертной казни. Государства – члены Совета Европы, подписавшие и ратифицировавшие Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также протоколы 6 и 13 к ней, обязаны исключить применение смертной казни. Беларусь, как известно, пока не является членом Совета Европы и для нее в этой связи указанные европейские документы необязательны. Не ратифицировала она и Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, который также обязывает каждое государство, участвующее в этом протоколе, принять все необходимые меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции.

Если Конституционные суды других государств, принимавшие решения об отмене смертной казни, были связаны указанными международными документами, то Конституционный Суд Республики Беларусь соответствующей правовой базы международного уровня для принятия упомянутого решения не имел. На формирование позиции Конституционного Суда оказала влияние и динамика преступности, слабая работа по подготовке общественного мнения. В этой связи Конституционный Суд решил считать, что часть третья статьи 24 Конституции Республики Беларусь, установившая возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания лишь до ее отмены, позволяет принять решение об объявлении моратория на применение смертной казни или о полной отмене этого наказания. Однако исходя из содержания данной нормы, динамики преступности, необходимости выполнения Рекомендаций Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по вопросу о смертной казни, принятых постановлением Палаты представителей от 13 июня 2002 г., а также учитывая, что Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах не ратифицирован Республикой Беларусь, не решен вопрос о ее полноправном членстве в Совете Европы и в силу этого не подписаны и не ратифицированы Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и соответствующие протоколы к ней,

что обусловило бы в силу статей 8 и 116 Конституции Республики Беларусь верховенство указанных международных актов в системе национального права, Конституционный Суд пришел к выводу, что в современных условиях вопрос об отмене этого вида наказания или как первом шаге – об объявлении моратория на его применение может быть решен Главой государства и Парламентом.

Сегодня Конституция – документ, с которым должны сверять свою деятельность все: как государственные органы, должностные лица, так и граждане. Потенциал Конституции очень сильный и должен быть реализован в полной мере во благо белорусского государства и народа.

РЕЗЮМЕ

В работе рассматриваются проблемы конституционного регулирования прав и свободы личности, государственного механизма избирательной системы страны.